

Аслан Юсубов

Астероид Рика

Аслан Юсубов

Астероид Рика

«Автор»

2025

Юсубов А.

Астероид Рика / А. Юсубов — «Автор», 2025

«Астероид Рика» — пронзительная история о хрупком мальчике, который видел мир иначе. Тринадцатилетний Рик живёт в двух реальностях: в одной — он обычный больной ребёнок, в другой — бесстрашный капитан звездолёта, защитник Галактики и друг супергероя Макси. Когда во дворе появляется новая соседка Малия, она становится его первым штурманом — единственным человеком, который не смеётся над его фантазиями, а видит в них красоту. Вместе они отправляются в ночное путешествие, чтобы найти невидимый астероид «Криптоний-314» — последнюю надежду Рика доказать, что его мир реален. Но когда граница между вымыслом и реальностью начинает стираться, каждый герой оказывается перед выбором. Это книга о том, как хрупкая детская вера способна изменить взрослый мир. О том, что настоящие звёзды иногда горят совсем рядом — нужно лишь научиться видеть их свет. «Иногда самые настоящие чудеса видны только сердцем».

© Юсубов А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
ГЛАВА 1: КОМНАТА-ВСЕЛЕННАЯ	7
ГЛАВА 2: ШТУРМАН И ЗАДИРА	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Аслан Юсубов

Астероид Рика

«Некоторые звёзды созданы для того, чтобы гореть ярко и недолго. Они вспыхивают на небосклоне ослепительной вспышкой, успевая осветить всё вокруг, а затем гаснут, оставляя после себя лишь тёплый след в памяти и невыносимую, пронзительную тишину.»
Эта история – об одной такой звезде. Его звали Рик.

Пролог

Некоторые звёзды созданы для того, чтобы гореть ярко и недолго. Они вспыхивают на небосклоне ослепительной вспышкой, успевая осветить всё вокруг, а затем гаснут, оставляя после себя лишь тёплый след в памяти и невыносимую, пронзительную тишину.

Но астрономы знают: самая яркая вспышка – это не рождение, а смерть. Когда звезда, в десятки раз превосходящая наше Солнце, исчерпывает своё топливо, её ядро схлопывается, порождая колоссальный взрыв – сверхновую. На несколько недель она затмевает свет всех других звёзд в своей галактике. А потом на её месте остаётся лишь тускнеющая туманность и невидимая, неумолимая гравитационная пустота – чёрная дыра, что будет вечно впитывать в себя свет, но никогда не отдавать его.

Эта история – не о сверхновой. Она об астероиде. Одиноким, невзрачным куске камня и льда, что миллионы лет молча скользил в безвоздушной пустоте, не отражая почти никакого света. Его не занесли бы ни в один звёздный каталог. Его невозможно было разглядеть в самый мощный телескоп.

Но если бы у кого-то хватило терпения и особого зрения, он заметил бы странность в его движении. Он не просто падал в гравитационной яме ближайшей звезды. Он будто бы целенаправленно двигался. Искал. Ждал.

Эта история – об одной такой звезде, что должна была вспыхнуть сверхновой, но выбрала путь астероида. Его звали Рик.

—
Он появился на свет в ночь, когда над городом проходил метеорный поток Эта-Аквариды. Мари, измученная долгими родами, запомнила не первую боль, не крик акушерки, а полоску света от ночника, падавшую на личико сына. Он не плакал. Он смотрел. Его глаза, цвета тёмного шоколада, казались не по-младенчески сосредоточенными, будто он пытался сфокусироваться на чём-то важном за стенами родильного дома.

– Смотри, – прошептала она Мартину, сжимая его руку. – Он не на нас смотрит. Он смотрит... сквозь нас.

Мартин, уставший и счастливый, рассмеялся:

– Ему неделя, дорогая. Он, наверное, просто видит пылинки в воздухе. Или ангелов. Говорят, новорождённые видят ангелов.

Но Мари не могла отделаться от этого странного ощущения. Когда она впервые приложила его к груди, его крохотная ладонь легла ей на щёку не с бессознательным движением младенца, а с почти осознанной нежностью. И в тот миг ей показалось, будто комната наполнилась тихим, серебристым сиянием.

Той же ночью, стоя у окна палаты и глядя на падающие звёзды, Мартин вырезал свой первый подарок сыну – крошечного деревянного коня. Он был грубым, на одной ноге остался

заусенец, но Мартин вложил в него всю свою трепетную, ещё не оформившуюся любовь. Он положил коня в кювез, рядом со спящим Риком.

– Вот, сынок. Твой первый скакун. Пока я не купил тебе настоящего.

Он не знал тогда, что много лет спустя, в самой страшной ночи его жизни, этот самый конь, выкрашенный Риком в серебряный цвет и названный «Скакуном Андромеды», будет стоять на тумбочке в больнице, как молчаливый страж, видевший самое начало.

—

В три года Рик пережил свой первый тяжёлый приступ. Высоченная температура, бред, судороги. Врачи в инфекционном отделении разводили руками: обычный вирус, дающий необычные осложнения. Мари не отходила от его кровати, мокрым полотенцем стирая с его лба испарину. И в самый пик лихорадки он открыл глаза. Они были яркими, словно лихорадочный жар выжег из них всю детскую мягкость, оставив лишь чистый, бездонный уголь.

– Не бойся, мама, – прошептал он её голосом, которого у него не могло быть в три года. – Это просто гравитационные волны. Они проходят сквозь меня. Скоро всё устанет.

Он сказал «устанет». Не «пройдёт», не «станет хорошо». «Устанет». Как будто он был не маленьким мальчиком, а сложной физической системой.

Мартин, услышав этот рассказ, снова попытался шутить:

– Ну, я же говорил! У нас растёт новый Эйнштейн!

Но в его глазах Мари впервые увидела ту самую трещинку – тоненькую, как волосок, – трещинку страха. Страх перед тем, что они не смогут защитить этого необычного мальчика от мира. И, возможно, от него самого.

—

А в пять лет случилось то, что они втайне называли «Ночью Хрустальных Звёзд».

Рик сидел на полу в своей комнате с коробкой ёлочных игрушек – старых, стеклянных, оставшихся от бабушки. Он не наряжал ими воображаемую ёлку. Он выкладывал их на ковре в причудливые спирали и созвездия, что-то нашептывая каждому шарiku. Потом он подошёл к выключателю и несколько раз щёлкнул им.

И Мари, заглянувшая в комнату, чтобы позвать его ужинать, застыла на пороге.

Вспышки света от лампочки, падая под определённым углом на грани хрустальных шаров, преломлялись так, что на потолке и стенах замерцали десятки крошечных радужных зайчиков. Они дрожали, переливались и, казалось, медленно двигались по каким-то неведомым орбитам. Комната превратилась в планетарий. В центр этой вселенной.

Рик стоял посреди этого сияния, его лицо было торжественным и спокойным.

– Видишь, мама? – сказал он, не оборачиваясь. – Это мои спутники. Они вышли на стабильную орбиту. Теперь мы в безопасности.

В тот вечер Мари не смогла сдержать слёз. Она плакала не от страха, а от внезапно нахлынувшего осознания. Её сын не просто фантазёр. Он – творец. Он силой своего воображения и наблюдательности преображал скучную реальность в нечто волшебное. Она обняла его, пахнущего детским шампунем и тайной, и прошептала:

– Они очень красивые, родной. Самые красивые звёзды на свете.

Но позже, в постели, она прижалась к спине Мартина и спросила в темноту:

– А что, если однажды он запутается? И не сможет отличить свои звёзды от наших стен?

Мартин не ответил. Он просто крепче сжал её руку. Трещина страха становилась чуть больше.

Эта история – об астероиде по имени Рик. О мальчике, который вместо того, чтобы ослепительно вспыхнуть и угаснуть, предпочёл молча нести в себе целую вселенную. Пока хватит сил.

—

ГЛАВА 1: КОМНАТА-ВСЕЛЕННАЯ

Воздух в комнате тринадцатилетнего Рика был густым и звёздным, и пахёл озоном после грозы, старыми книгами и сладковатым ароматом плавящегося пластика от перегруженной сети. Светящиеся созвездия на потолке – не просто декоративные наклейки, а рукотворная карта, которую Рик создавал годами, смешивая флуоресцентные краски, чтобы добиться точного оттенка каждой туманности – мерцали в полумраке, отбрасывая призрачное сияние на стены.

А стены были главным. Они представляли собой безумный, гениальный коллаж. Подробная «Карта Невидимых Событий», испещрённая орбитами, помеченными разноцветными нитями, и отметками о «гравитационных аномалиях», соседствовала с вырезками из научных журналов о чёрных дырах и схемами двигателей теоретических звездолётов. Рядом висела фотография туманности «Кошачий Глаз», а под ней – детский рисунок существа с тремя глазами, подписанный корявым почерком: «Посол с Сириуса-Б. Друг».

В центре этого хаотического космоса, за своим старым деревянным столом, заваленным проводами, паяльником и кристаллами, сидел Рик. Худой, бледный, с тёмными волосами, которые всегда казались слегка взъерошенными от статического электричества его мыслей. Его пальцы, длинные и ловкие, водили по потрёпанным страницам комикса о супергерое Макси. Но он не просто читал. Он водил по схемам на полях, которые сам же и дорисовал, шепча формулы и расчёты.

– ...и если перенаправить поток тахионов через обходной контур, то гравитационная ловушка потеряет сингулярность, – его голос был ровным, деловым, будто он докладывал невидимому ЦУПу. – Макси сможет выйти, но ему понадобится внешний импульс. Кинетический резонанс...

Дверь скрипнула, нарушая тишину корабля. На пороге стояла его мать, Мари. В руках она держала тарелку с бутербродом. Он казался чужеродным артефактом в этой звёздной обители – слишком простым, слишком приземлённым.

– Рик, родной, – её голос звучал устало, выдохшейся планетой. – Ты почти ничего не ел за завтраком. Может, хоть немного поешь? Хотя бы откуси кусочек.

Рик не отрывался от комикса. Его сознание было далеко, в ловушке на краю вымышленной галактики.

– Не сейчас, мам. Спасибо. Макси попал в гравитационную ловушку уровня «Омега». Ему нужна моя помощь, чтобы перенаправить энергию и стабилизировать разлом.

Мари сделала шаг вперёд, и её тапочек шлёпнул по разлинованному скотчем полу – «посадочной полосе» для малых челноков.

– Твой обед остынет, – в её голосе появилась лёгкая, знакомая дрожь. – И это... это бутерброд. С сыром. А не... не гравитационная штука.

Рик наконец поднял на неё глаза. Его взгляд был чистым, бездонным, как космос на его стенах. В нём не было ни каприза, ни упрямства. Лишь уверенность учёного, объясняющего аксиому.

– Всё есть энергия, мама. Даже этот бутерброд. Он – сконцентрированная солнечная и химическая энергия, заключённая в удобную для потребления форму. Он просто ждёт, когда его кинетический потенциал будет реализован. Сейчас моя энергия нужна Макси.

Мари замерла. Она смотрела на его серьёзное лицо, на горящие искренней верой глаза, и чувствовала, как знакомая волна отчаяния подкатывает к её горлу. Она поставила тарелку на единственный свободный угол стола, рядом с моделью марсохода.

– Как хочешь, – прошептала она и вышла, тихо прикрыв дверь, словно боялась потревожить хрупкий баланс вселенной сына.

Рик услышал обрывок разговора за стеной ещё до того, как голоса перешли на крик. Он отложил комикс и подошёл к стене, прильнув ухом к холодной поверхности, которая в его карте была обозначена как «Переговорный узел с Центром Контроля Миссии».

– Я больше не могу, Мартин! – голос матери срывался, в нём звенели слёзы и сталь отчаяния. – Я зашла к нему, а он... он с тарелкой разговаривал! С холодной котлетой! Убеждал её, что её «кинетический потенциал» будет реализован в великом деле спасения галактики! Врачи разводят руками, говорят «яркая фантазия», «аутистический спектр»! Это не спектр, Мартин, это пропасть! И мы стоим на краю!

– Дорогая, успокойся... – глухо, устало ответил отец. – Он просто фантазёр. У него нестандартное мышление. Он вырастет, перерастёт...

– НЕТ! – это был уже не крик, а вопль, полный такой боли, что у Рика сжалось сердце. – Он не вырастет! Он БОЛЕН! И мы не можем ему помочь! Мы не знаем КАК! Я не вынесу, если однажды он просто... упадёт. Разобьётся, как те его хрустальные звёзды, которые он когда-то выкладывал на полу! Я не хочу этого видеть!

Послышались рыдания, тяжёлые, надрывные. Потом – глухой удар, будто кулак со всей силы ударил по столу.

– Чёрт возьми! – это был уже голос отца, в котором ярость боролась с бессилием. – Что ты хочешь, чтобы я сделал? Связал его и насильно повёл к очередному «специалисту», который снова пропишет ему витамины и посоветует «чаще бывать на свежем воздухе»? Он мой сын, Мари!

– И мой! – выкрикнула она. – И именно поэтому я схожу с ума! Я теряю его с каждым днём всё больше! И я теряю тебя! Мы тонем в этом его космосе, Мартин! Мы тонем!

Рик больше не мог слушать. Он отошёл от стены и медленно подошёл к окну, приложив ладонь к холодному стеклу. За ним был обычный вечер: зажигались фонари, ехали машины, люди шли по своим делам. Обычный, плоский, двумерный мир.

«Она смотрит на меня и видит больного, – пронеслось у него в голове. – Все они видят больного. Никто не понимает, что я не болен. Я просто... вижу дальше них. Я вижу связи. Когда мама смотрит на звёзды, она видит просто огоньки. А я вижу дыхание вселенной, её пульс. Я слышу, как она поёт».

Он сжал кулак, потом разжал, глядя, как его пальцы оставляют влажные следы на стекле.

«Макси никогда не сдавался, даже когда его корабль терял обшивку. Он искал выход. И я найду. Найду того, кто поймёт. Кто услышит эту песню».

Гараж пах маслом, краской и сосной. Здесь, среди банок с гвоздями и старых инструментов, Мартин искал спасение. Он с силой водил рубанком по бруску красного дерева, и тонкие стружки, словно слезы, которые он не мог пролить, падали ему на ботинки.

«Прости, сынок... – стучало в его висках. – Я должен быть сильным. Я – скала. Но как быть сильным, когда твой собственный мир, всё, что ты строил, трещит по швам? Мари права – мы теряем его. Но как я могу... как я могу отказаться от собственного ребёнка? Признать, что он «болен»? Это же значит предать его. Предать все эти звёзды в его глазах».

Он отложил рубанок и взял в руки почти готовую фигурку. Это было странное существо с большими, добрыми глазами и длинными, как у жирафа, антеннами вместо ушей. Первый из многих «инопланетных гонцов», которых он начал вырезать по ночам, когда бессонница и тревога грызли его изнутри.

Он гладил шершавую древесину, и ему казалось, что это не просто кусок дерева, а часть души его сына, которую он пытается удержать, сохранить, защитить. В этом гараже, вдали от

звёздных карт и научных терминов, он вёл свою тихую войну. Войну резца против невидимой болезни, любви – против отчаяния.

—

Мари, утирая слёзы, разговаривала по телефону в коридоре, прижимая трубку к уху так, будто это был спасательный круг.

– Да, доктор Алан... Я понимаю... Спасибо, что выслушали... – её голос был безжизненным. – Он говорит, что нужно очередное, более глубокое обследование... МРТ, энцефалограмма... Но Рик так боится больницы, этих звуков, этих холодных аппаратов... И я его понимаю. Я сама их боюсь. Эти чужие, безразличные лица...

Она слушала, кивая, хотя доктор её не видел.

– Да... да, я попробую поговорить с Мартином... Но он... он сейчас в своём гараже. Вырезает очередного инопланетянина для его флота... – она безнадежно вздохнула. – Спасибо вам. До свидания.

Она положила трубку и прислонилась лбом к холодной стене. Доктор Алан был одним из немногих, кто не списывал всё на фантазии мальчика. В его голосе слышалась искренняя озабоченность и желание помочь. Но от этого становилось лишь больше. Потому что это значило, что проблема – реальна.

—

В ту ночь Рiku почудилось, что из гаража доносится не просто приглушённый скрежет, а ритмичный, почти музыкальный стук. Как будто кто-то выстукивал азбуку Морзе. Он не знал, что Мартин в самом деле не спал, и при свете одной лампочки, с невероятной тщательностью, вырезал из обрезка сосны то самое странное существо с большими глазами – первого из многих «инопланетных гонцов», который на следующее утро молча появится на тумбочке рядом с кроватью Рика с запиской: «Для твоего флота. С планеты Тишины. Они понимают без слов».

Рик уснул с улыбкой, прижав к груди деревянного посланца. А Мартин, закончив работу, смотрел на свои руки, испачканные в древесной пыли, и впервые за долгое время чувствовал крошечный, хрупкий проблеск мира. Он что-то сделал. Пусть маленькое, пусть странное, но он сражался.

А в своей комнате, глядя в потолок, Рик шептал:

– Принято. Добро пожаловать на борт.

Трещина в семье углублялась, но в ту ночь две одинокие вселенные – отца и сына – ненадолго, едва заметно, сблизились на одной орбите.

—

ГЛАВА 2: ШТУРМАН И ЗАДИРА

Переезд был для Малии маленькой смертью. Смертью старой жизни, старых друзей, вида из окна на знакомый двор с кривой берёзой. Новый дом пах чужими запахами, а комната казалась слишком просторной и пустой. Она сидела на коробках с книгами и смотрела в окно на унылый, идеально подстриженный газон, чувствуя себя космонавтом, выброшенным на незнакомую планету с разреженной, безжизненной атмосферой.

Её мать, энергичная женщина с веснушками, пыталась её расшевелить.

– Мали, дорогая, это же новый этап! Новые возможности! Посмотри, какой чудесный район! Наверняка тут есть ребята твоего возраста.

Малия молча кивнула. Она уже видела «ребят». Пару девочек, щёлкающих жвачкой и критикующих другую девочку за «немодные» джинсы. И коренастого парня с коротко стриженными волосами, который пинал камни с таким видом, будто хотел пробить ими земную кору. Перспективы не вдохновляли.

Но потом её взгляд упал на соседний дом. А точнее – на окно на втором этаже. Оно было затемнено, но не шторами, а какими-то чёрными листьями, на которых были наклеены светящиеся в сумерках звёзды и планеты. И сквозь щель между ними она разглядела силуэт – худого мальчика, который что-то чертил на стене. Он двигался с странной, сосредоточенной грацией, не похожей на суетливые движения её сверстников.

«Интересно, кто он?» – мелькнуло у неё в голове. Что-то в этом окне-иллюминаторе манило её, словно маяк в скучном море новостроек.

—

На следующее утро, помогая разбирать вещи, Малия нашла под своим новым окном гладкий чёрный камень с серебристыми прожилками. Он был необычным, тяжёлым и каким-то... древним. Взяв его в руки, она почувствовала странный импульс – не физический, а скорее, внутренний. Решение пришло мгновенно.

Через час она стояла на пороге дома с таинственным окном. Её сердце билось чаще. Она постучала.

Дверь открыл тот самый худой мальчик. Вблизи он показался ещё бледнее, а глаза... его глаза были цвета тёмного шоколада, но в них плавали золотые искорки, словно звёздная пыль.

– Привет! – сказала Малия, внезапно чувствуя лёгкую панику. – Я Малия. Мы вчера переехали. Это у тебя упало? – она протянула камень.

Рик (как она позже узнала его имя) осторожно, почти с благоговением, взял камень. Он перевернул его несколько раз, провёл пальцем по прожилкам, поднёс к свету.

– Нет, – наконец сказал он. – Это не моё. Но... – он посмотрел на неё, и в его взгляде вспыхнул настоящий огонь учёного, нашедшего артефакт. – ...видишь эти серебристые прожилки? Это не кварц. Это следы космической радиации, возраст которой более пяти миллионов лет. Этот камень – осколок метеорита.

Малия не стала говорить, что, скорее всего, это кусок шлака или гранита. Вместо этого её глаза расширились от неподдельного интереса.

– Правда? С другой планеты?

– Ага. С планеты Кристалл-4, – с полной уверенностью заявил Рик. – Его ядро содержит закодированный сигнал – код для перезагрузки угасающей звезды в системе Ориона.

– И что... он сейчас активен? – с притворной таинственностью спросила Малия, подыгрывая ему.

– Пока нет. Ему нужен ключ. – Рик внезапно улыбнулся. Это была редкая, преображающая всё его лицо улыбка. – Хочешь посмотреть на мою обсерваторию?

Малия рассматривала камень, перекатывая его в ладонях. В её голове пронеслись мысли: «И что, он может исполнять желания?» Вместо этого она спросила:

– Нет, – серьёзно ответил Рик. – Но если бросить его в воду, он покажет, где спрятаны пиратские сокровища. Проверено. Правда, папа потом полчаса выковыривал его из фильтра в бассейне.

Малия рассмеялась. Это был настоящий, лёгкий смех, которого не было с момента переезда.

– Тогда нам лучше не проверять. А то папа снова будет недоволен.

Рик кивнул и жестом пригласил её войти.

—

«Боже мой... Он такой... настоящий. Когда он говорит о звёздах, кажется, что он действительно там был. Он не играет. Он верит. А я? Я просто обычная девочка, которая боится темноты и до сих пор спит с плюшевым зайцем. Но когда я смотрю в его глаза, мне хочется верить. Хочется, чтобы его вселенная была настоящей. Может быть, если я буду рядом с ним, я тоже научусь видеть чудеса?»

—

Эла звали Эл. Полное имя – Эдуард, но он с ненавистью относился к нему, считая слишком мягким. Его мир был простым и жёстким, как удар кулаком. Сильный прав. Слабый виноват. Его отец, водитель грузовика, с детства вбивал ему в голову: «Мир не для слабаков. Или ты бьёшь первым, или по тебе бьют».

Дом Эла был таким же жёстким – голые стены, крики родителей, запах дешёвого пива и старого масла. Он ненавидел свою жизнь. И свою боль. Боль от того, что он боится темноты. Этот детский, унижительный страх, который он тщательно скрывал под маской агрессии. Ночники он выдавал за «дежурное освещение», а когда родители ругались, он уходил из дома и пинал всё, что попадалось под ногу, пытаясь выбить из себя этот страх.

И вот он увидел Их. Новенькую девочку с тёмными косами и этого Дрища, Космического Урода, который вечно смотрел куда-то в небо и что-то бормотал. И они шли вместе. Она смеялась над его словами. Она смотрела на него не с насмешкой, а с интересом.

В груди у Эла закипела знакомая, ядовитая смесь зависти и гнева. «Почему он? Почему такой слабый, странный парень вызывает у неё такой интерес? Почему она защищает его, а на меня смотрит как на пустое место? Я тоже могу... Я тоже хочу, чтобы кто-то посмотрел на меня так же...»

Он посмотрел на свои руки – большие, неуклюжие, вечно всё ломающие. И решил, что знает, как привлечь внимание. Так, как научил его отец.

—

Это случилось через несколько дней, когда Рик и Малия возвращались из «экспедиции» за хлебом, который, по версии Рика, был «прототипом топливных брикетов для дальних перелётов».

– Смотри-ка, Космический Дрищ и его нянька! – Эл заблокировал им дорогу на пустынной аллее, широко расставив ноги. Его поза была карикатурно угрожающей. – Что, опять в свой вымышленный космос летите? Нашли новые вымышленные планеты?

Рик попытался пройти, глядя в сторону, как делал всегда. Он привык к насмешкам. Они были как фоновый шум, помехи в эфире.

– Пропусти нас, Эл.

– А что ты сделаешь? – фыркнул Эл. – На меня гравитацию напустишь? – он толкнул Рика плечом.

Толчок был несильным, но неожиданным. Рик пошатнулся, и из его кармана выпал тот самый чёрный камень. Он с глухим стуком покатился по асфальту.

Наступила тишина. Рик замер, глядя на свой «метеорит». В его глазах вспыхнула не обида, а холодная, чистая ярость учёного, у которого разрушили эксперимент.

–Подними, – тихо сказал он, и голос его дрогнул не от страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.